

Л.Д. Гудков

ПОЛОЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК В РОССИИ

Аннотация

Нынешнее положение социальных наук в России двусмысленно и противоречиво. Неясны или неопределенны не только общественные ожидания в отношении социальных наук, но смутно и разнородно и профессиональное самопонимание ученых и преподавателей, их ориентации на разных социальных партнеров. Главная трудность развития социальных наук в России не в низком уровне освоения теоретического потенциала современной социологии, закрытости российских ученых от западного опыта или аморфности, эклектике самих дисциплин, а в слабости российского общества, не испытывающего нужды в соответствующем социальном знании, не высказывающего интереса к работе исследователей или их интерпретациям происходящего.

Сегодня, как и в прошлом, студент практически лишен самостоятельности в выборе преподавателей и содержания предмета обучения, он не может следовать собственному интересу, поскольку оставшаяся после советского времени бюрократическая система обучения не допускает в этом отношении какой бы то ни было свободы. Поэтому в целом социологическое образование оказывается крайне неэффективным.

С точки зрения стороннего наблюдателя социальные науки в России имеют все необходимые признаки «нормальной науки». Возьмем, например, социологию, занимающую среди них ведущее место¹. Сегодня эта дисциплина представлена множеством исследовательских организаций самого разного калибра². Функционируют десятки социологических факультетов в университетах, а также специализированные отделения и кафедры в высших учебных за-

¹ Я рассматриваю главным образом положение дел в социологии, во-первых, потому, что я лучше знаком с ситуацией здесь, во-вторых, потому, что эта наиболее развитая в России социальная дисциплина, в которой занята основная масса специалистов в области социальных наук, а в-третьих, то что происходит здесь, повторяется с некоторыми изменениями и в других сферах, скажем, в политологии (разница лишь в том, что объем собственно эмпирических исследований тут будет незначительным). Я не претендую на объективность и полноту своего описания. Скорее это выражение позиции очень пристрастного и заинтересованного участника.

² Общее число их явно превышает 200; в одной только Москве насчитывают свыше 70 исследовательских коллективов и фирм, проводящих социологические исследования. Академик Г.В.Осипов считает, что существует «более 400 научных центров, отделов и групп, ведущих социологические исследования» (Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке // Социологические исследования, 2004, №3, с.3), хотя мне эта цифра представляется явно завышенной, учитывая нерегулярный и несистематический характер их исследовательской деятельности.

ведениях. Еще 20 лет назад социологии как науке было отказано в существовании, можно было говорить лишь об эмпирических, конкретно-социальных исследованиях в рамках исторического материализма или научного коммунизма. За 15 лет, прошедших с момента введения социологии в программу высшей школы, дипломом социолога получили более 20 тыс. выпускников, причем основная их масса приходится на последние 5–7 лет. Выходят примерно 20 журналов, расценивающих себя как профессиональные социологические издания. Издаются десятки монографий и учебников по социологии и социальной психологии, социальной работе и проч. Самые крупные исследовательские организации имеют собственные электронные издания и информационные сайты, где публикуются данные и результаты разного рода исследований и анализов и т.п.

И вместе с тем я не так уж погрешу против истины, если скажу, что в данном отношении мы не слишком далеко ушли от состояния, которое описывал маркиз де Кюстин лет 160 назад¹.

Нынешнее положение социальных наук в России двусмысленно и противоречиво. Неясны или неопределенны не только общественные ожидания в отношении социальных наук, но смутно и разнородно и профессиональное самопонимание ученых и преподавателей, их ориентации на разных социальных партнеров. Правильнее было бы сказать, что сегодня в России мы имеем дело с несколькими принципиально разными типами организации науки или даже разными типами самого института науки, что отражает одновременное существование различных социальных структур, нуждающихся в социальном знании разного типа. Это означает, что трансформационные процессы в российском обществе (или точнее — медленно идущее разложение институциональной системы советского общества) вызывают синхронное функционирование научных коллективов, имеющих разную социальную природу и происхождение, ориентированных на разных социальных партнеров, имеющих принципиально разные источники и механизмы материального обеспечения и поддержки.

Я вижу главную трудность развития социальных наук в России не в низком уровне освоения теоретического потенциала современной социологии, закрытости российских ученых от западного опыта или аморфности, эклектике самих дисциплин — а в слабости российского общества, не испытывающего нужды в соответствующем социальном знании, не высказывающего интереса к работе исследователей или их интерпретациям происходящего. Речь идет не о пассивности и равнодушии, а о неразвитости структур гражданского общества, сферы публичности (Oeffentlichkeit),

¹ Кюстин А. Де. Николаевская Россия. М., 1930: «У русских есть названия, но нет ничего в действительности: Россия — страна фасадов; прочти этикетки, у них есть цивилизация, общество, литература, театр, искусство, науки, а на самом деле...» с.79; «Россия — империя каталогов; если пробежать глазами одни заголовки, все покажется прекрасным, но берегитесь заглянуть дальше названия глав: откройте книгу, и вы убедитесь, что в ней ничего нет; правда, все главы обозначены, но их еще нужно написать». С.137.

об отсутствии таких институтов, как публичные дискуссии, политическое участие, о слабости общественной рефлексии по поводу происходящего в стране, в науке, в мире.

Социология, как известно, рождается из «духа общества». При всей банальности подобных суждений, приходится соглашаться с тем, что нынешнее состояние социологии в России отражает опыт массовой негативной адаптации к воспроизводившемуся в течение десятилетий режиму бесконтрольной власти, практически парализовавшему сферу общественной, публичной, политической жизни. Это означает, что в сфере социальных (гуманитарных) наук подавлены или не действуют такие механизмы автономной самоорганизации науки, как имманентная теоретическая или методологическая критика, самоанализ, профессиональная полемика, рецензирование, конкуренция, научная авторитетность и т.п., которые замещены государственно-бюрократическим управлением, контролем и гратификацией (со всеми вытекающими отсюда последствиями).

Рассмотрим положение социологии более конкретно, выделяя три плоскости описания: сферу академических институтов, университетскую социологию и независимые исследовательские организации. Я разделил их таким образом потому, что практически это изолированные друг от друга сферы, коммуникативные потоки и связи между которыми очень слабы или даже совсем отсутствуют.

Предыстория.

До середины 1970-х годов от так называемых «общественных наук» власть требовала и ожидала прежде всего идеологического обеспечения и подтверждения легитимности репрессивного режима, «критики» (дискредитации по определенной технологии) «буржуазной идеологии», «научного обоснования» пропаганды и контрпропаганды, а также подготовки кадров для аппарата управления и контроля. Позже, в условиях нарастающей дисфункции тоталитарной системы, партийное руководство наряду с этим стало требовать от социальных наук информационного обеспечения принятия решений, оптимизации управления, создания «обратной связи» между властью и управляемым населением, что потребовало проведения более или менее профессиональных эмпирических социальных исследований, создания различных исследовательских центров (прежде всего в рамках АН СССР), а позже — и развертывания соответствующей системы подготовки научных и педагогических кадров.

Конфликты интересов зарождающейся социологии, развитие которой было невозможно без освоения теоретического и методического опыта американской и европейской науки, и органов партийно-идеологического надзора закончились в начале 1970-х годов чистками и изгнанием наиболее продуктивной части «пионеров» советской социологии. Оставшаяся часть обществоведов, настроенная более конформистски, была готова выполнить любые требования партийного руководства. С течением времени между

лояльными по отношению к власти учеными и партаппаратом установился своего рода консенсус, основанный на следующих условиях: заимствованию с Запада может подлежать лишь технический, методический инструментарий сбора информации, организации и проведения эмпирических исследований, а теория, методология, весь без исключения предметный концептуальный аппарат социальных дисциплин, являвшийся опытом рационального систематического осмысления социальной проблематики стран Европы или Америки, должен быть отвергнут в принципе.

Такое положение вещей, сложившееся в советском обществоведении, привело к полной творческой кастрации слабых и зависимых социальных наук, сосредоточению исследований на мелких проблемах массового управления или решению выдуманных, идеологически обусловленных задач, вроде повышения производительности труда в ходе социалистического соревнования или усиления эффективности партийной пропаганды. Хотя в конце 1980-х годов существовало уже более десятка довольно крупных академических институтов, занимающихся социальными науками, но их абсолютная научная стерильность не позволила им выдвинуть за все время существования ни одного сколько-нибудь заслуживающего внимания исследовательского проекта или теоретической идеи. Поэтому, как оказалось, у абсолютного большинства обществоведов и социологов к моменту распада СССР «за душой» или «в столах» не было ничего, не велось никакой внутренней, самостоятельной, не инициированной сверху работы по анализу природы советского общества или освоению западного наследия, отсутствовали какие-либо заготовки или системы интерпретации.¹ Для сотрудников академических институтов или университетских преподавателей социальных наук в СССР крах коммунистической системы оказался полной неожиданностью, а последующие затем реформы и трансформационные процессы были восприняты большинством из них со скрытым негативизмом и готовностью к пассивному сопротивлению.

Более свободными и более результативными были исследовательские подразделения при различных отраслевых и ведомственных научно-проектных институтах (информации, планирования, криминологии, городского управления, дизайна, книжного и библиотечного дела, суицидологии и проч.). Однако масштабы их разработок

¹ Приведу лишь один пример, даже не собственно социологической работы. Хотя существовал крупный академический институт этнографии (позднее переименованный в Институт антропологии и этнологии), его сотрудники оказались совершенно не готовыми к анализу и описанию множественных национально-этнических конфликтов, сопровождающих распад СССР. Никаких работ в этом плане просто не было. Соответственно, и сами процессы этого рода, и отношение к ним в целом остались мало понятными для российского общества. Не было никаких научных работ, которые могли бы не только указать на наличие определенных зон напряжений, но и прояснить расстановку сил в них. Работы, в которых предлагалась интерпретация или описание чеченской войны, появились лишь в 1995-1999 гг., но выполнены они были не этим институтом, а общественными организациями («Мемориалом», Центром А.Сахарова), аналитическими центрами МВД, независимыми организациями и т.п. Первая монография специалиста-этнолога о причинах и ходе этого столкновения вышла лишь в 2001 году, то есть через 10 лет после начала самих событий (В.Тишков. Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны. М., 2001).

были небольшими и сами подразделения были очень ограничены в возможностях публикации.

Лучше обстояло дело не в «чистой социологии», а там, где социологи взаимодействовали с другими учеными и специалистами, например, с экономистами, где ощущалось влияние других дисциплин и где возникали реальные социальные проблемы, требовавшие социологической интерпретации. Поэтому и обеспечение последующих реформ и процессов трансформации взяли на себя экономисты из наиболее продвинутых и наименее идеологизированных институтов и учреждений. Однако при всем их либерализме, склонности к моделям свободного рынка, прозападным политическим ориентациям, их представления о социальной реальности и социологические воззрения оставались довольно варварскими, не выходящими за пределы «социализма с человеческим лицом», а понимание процессов целиком лежало в русле экономического детерминизма и авторитарной модернизации. Несомненно, это сказалось на просчетах реформистской деятельности.

Горбачевская перестройка и конец коммунизма резко изменили идеологический климат и контекст социальных наук. Идеологическая монополия марксизма-ленинизма, научного коммунизма, атеизма и других дисциплин, составлявших догматическую основу тоталитарного режима, были ликвидированы, причем это произошло без всякой борьбы, дискуссий, подозрительно легко и быстро. Бесконфликтность этого «перехода» объясняется не столько тем, что к этому моменту коммунистическая идеология давно умерла, сколько тем, что идеологический плюрализм был декларирован сверху, введен в директивном порядке. Весь корпус преподавателей общественных наук остался на своих местах, но переименовался: толкователи премудрости марксизма-ленинизма, научного коммунизма, знатоки истории КПСС, научного атеизма, политэкономии социализма, специалисты по критике буржуазной идеологии мгновенно обернулись «социологами», «политологами», «психологами», чуть позже они превратились в политтехнологов и экспертов по политическому PR и рекламе. Естественно, с тем же убогим уровнем знаний, набором идей и научным кругозором.

Официальная реабилитация социологии, ранее третировавшейся как буржуазная наука, как «продажная девка империализма», произошла в самом конце 80-х годов. На самом высшем партийном уровне, при поддержке М.Горбачева, она вместе со всеми другими социальными и философскими науками была признана полезной и необходимой для процессов перестройки и демократизации в СССР. Объявлено было и о включении ранее запрещенных наук в перечень необходимых дисциплин, которые должны преподаваться в высших учебных заведениях, а значит, для них вводилась соответствующая государственная квалификация социологических специальностей и научных исследований. В декабре 1987 г. решением Политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР был

создан Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), принципиально изменивший ситуацию в социальных науках¹. За ним последовало формирование целого ряда новых исследовательских центров (демографии, миграции, изучения образа жизни, здоровья населения и проч.), фактически добившихся научной автономии и вышедших из под управления крайне консервативной и бюрократической Академии наук.

С 1989 года университеты и вузы стали готовить специалистов по специальности «социология». Проблема развития социальных наук заключалась в отсутствии тех, кто мог бы преподавать социологию, ибо людей, подготовленных и компетентных в этой сфере (равно как и в других социальных науках), просто не было. Поддержка новых учебных программ и дисциплин зарубежными фондами не спасала положение, ибо ротация членов экспертных советов, имевших право рекомендовать те или иные учебники и курсы, неизбежно, и довольно скоро, восстановила предшествующий «уровень моря» и закрепила, теперь уже авторитетом зарубежных фондов, низкое качество вводимых социологических программ. Можно сравнить эту ситуацию с политикой Германии, дважды в течение двадцатого века очищавшей преподавательский корпус университетов от людей, связанных с тоталитарной идеологией: после Второй мировой войны в ходе политики денацификации и в Восточных землях после краха ГДР.

Изменение отношений власти и науки, резкое сокращение финансирования академических институтов и университетов, или точнее — отказ от серьезной поддержки государством науки и образования в целом, прежде всего — фундаментальных исследований, означало неизбежность краха советской системы научных дисциплин и необходимость менять саму организацию науки. На протяжении первой половины 90-х годов прежние академические социологические институты утратили свою руководящую и контролирующую роль и оказались в довольно жалком положении. Они были вынуждены искать экстраординарные, внебюджетные источники поддержки и стратегии выживания (сдача помещений в аренду коммерческим организациям, переход на заказные работы, снижение зарплаты сотрудникам). Практически все сколько-нибудь компетентные сотрудники перешли на режим двойной или тройной занятости, сочетая малопродуктивную службу в этих учреждениях с преподаванием в университетах или работой для иностранных институтов, переводами и т.д. Тем не менее, ни один из академических институтов в сфере социальных наук не закрылся в тяжелое время первых лет реформ, хотя цветущим их положение не назовешь и сегодня.

Лидерство в области социальных наук захватили новые или независимые от государства исследовательские структуры: центры

Институциональная структура социальных наук.

¹ Свою работу ВЦИОМ развернул лишь к 1989 г., после того, как была создана по всей по стране сеть отделений, что позволило проводить общенациональные опросы.

исследований общественного мнения, демографии и экологии человека, изучения миграции, качества жизни; институты социальной политики, этнополитических конфликтов и т.п., задавшие принципиально иную модель отношений науки и общества, или науки и власти. Они уже не рассчитывали на преимущественное финансирование из госбюджета. Их источниками существования могли быть лишь заказные работы или гранты на определенные проекты, то есть происходило приближение к рыночной, конкурентной модели исследовательской работы. Так как отечественных научных фондов до середины 90-х годов практически не было или они были очень слабыми, то практически работа происходила на основе зарубежных грантов или партнерства с зарубежными центрами или отдельными учеными.¹

Чтобы выжить, новые исследовательские центры и институты были вынуждены резко интенсифицировать свою работу, вести исследования в очень широком тематическом диапазоне, ставить новые задачи, о которых ранее подконтрольная советская наука даже не решалась думать, экспериментировать с новыми методиками и подходами. Эти центры оказались гораздо более открытыми в концептуальном и теоретическом плане, чем академическая или университетская среда, зависящая только от одной контролирующей инстанции — своего бюрократического начальства, а потому не испытывающая потребности в дискуссиях, полемике, конкуренции.

Для независимых институтов потребность в междисциплинарной коммуникации и кооперации была чрезвычайно важна по многим причинам, прежде всего, организационно-финансовым: имея разные источники финансирования и ведя разные типы исследовательской работы, они вынуждены были учитывать в своей работе позиции разных партнеров, апеллировать к разным группам общества, сталкиваться с разными публичными позициями. Соответственно, они оказались перед необходимостью постоянной проверки адекватности своих гипотез и своего инструментария, поскольку остановка в развитии грозила им потерей авторитета и положения на рынке.²

Независимость от государства резко расширила предметное и тематическое поле исследований, а конкуренция, рыночный

¹ Отметим также, что примерно с середины 1990-х годов стали возникать и новые, независимые учебные заведения в области социальных наук, в том числе и такие, в которых значительный удельный вес получили западные учебные программы. Понятно, что и финансирование их деятельности, и контроль за ней перешли от государства к зарубежным фондам. Назову только два из них — Московская высшая школа социальных и экономических наук (учебные курсы которой сертифицированы Манчестерским университетом) и Европейский университет в Санкт-Петербурге, где первое время преподавало много профессоров из Германии.

² Речь идет не только об электоральных опросах, хотя чаще всего именно их упоминают в этой связи, но и об изучении миграционных потоков, прогнозировании этнической напряженности и проч. Именно на эмпирических исследованиях социальных процессов проверяется качество организации и методики. И надо сказать, что за 10-12 лет здесь достигнут удивительный прогресс. Могу сослаться, например, на уникальную исследовательскую программу «Мониторинг социально-экономических и культурных перемен», которую мы ведем в нашем центре и аналогов которой очень мало в мировой практике. По точности электоральных или миграционных прогнозов российские исследования — одни из лучших на сегодня в Европе.

спрос на надежное, оперативно получаемое знание заставили обратить особое внимание на качество и достоверность предоставляемой социальной информации.¹ Именно поэтому для новых независимых центров реальной и крайне важной была проблема интерпретации своего материала. Дело не только в том, что сам по себе инновационный характер работы этих центров заставлял особенно остро ощущать дефицит средств объяснения и интерпретации, но и в том, что академическая среда, казалось бы, располагающая гораздо большими возможностями, научной литературой, специалистами, не была способна отвечать на подобный вызов, удовлетворять таким запросам эмпирических исследователей. Новизна подходов и методов независимых институтов, в свою очередь, вызвала отторжение консервативной академической и университетской социологии, критику, обвинения в ангажированности, дилетантизме, использовании неправильных или недопустимых методик. Впрочем, через некоторое время обвинения затихли.

По объему, масштабам и диапазону исследований новые центры намного превосходят старые академические институты. По моим оценкам, два крупнейших социологических центра — «Левада-Центр» и ФОМ — осуществляют 60–70% всех социологических исследований в стране. Поэтому и вопросы методики, организации стоят здесь намного более серьезно, чем в нерегулярных академических проектах, тем более — в маломощных университетских.²

Со второй половины 90-х годов в массовом порядке стали возникать региональные центры социально-экономических исследований, как правило, зависимые от местной администрации, но вместе с тем — сотрудничающие с крупными российскими исследовательскими центрами, выполняя их заказы. Довольно большая доля этих все время умножающихся центров представляет собой маленькие группы или коллективы при соответствующих кафедрах областных университетов, ведущие локальные исследования в своем регионе по самым разным темам. Как правило, они выполняют заказы региональной администрации, нуждающейся в социально-экономической информации или помощи в проведении своих кандидатов на местных выборах, оптимизации «административного ресурса».

Однако в целом для социологии перенос акцентов на крупномасштабные количественные и репрезентативные исследования, связанные с актуальными проблемами трансформации общества, означал существенные изменения: снижение глубины анализа в пользу тематической широты и оперативности.

² По качеству и надежности производимой информации несколько ведущих социологических служб России (прежде всего — бывший ВЦИОМ, сегодня Левада-Центр, ФОМ и еще две-три организации) соответствуют самым высоким критериям и по своему уровню опережают, скажем, соответствующие организации в Италии или Франции.

³ Могу указать только на одно обстоятельство: в семи из десяти анкет или опросников, которые применяются в стране в ходе разнообразных эмпирических опросов, используются идеи, блоки вопросов и методические процедуры, разработанные специалистами ВЦИОМ (Левада-Центра).

Казалось бы, развитием теории, возможностью применения западного опыта в российских условиях должны заниматься главным образом академические или университетские ученые. Однако этого не происходит по многим причинам, и в первую очередь — из-за низкого уровня научной квалификации персонала, отсутствия когнитивной культуры, критических дискуссий и просто незнания языков и соответствующей литературы. Кроме того, прежняя роль общественных наук в СССР перестала быть доминирующей, но не потеряла полностью свое значение.

Академические институты, занимающиеся социальными науками (примерно 10-12 научных учреждений, входящих в систему РАН), и ведущие университеты в первой половине 90-х годов (период ельцинских реформ -переход к рыночной экономике, выработка национальной идеи, создание демократических институтов и т.д.) все время пытались адаптироваться к интересам власти, сохранив в основе своей деятельности прежнюю идеологию науки как обслуживания руководства государства, но теперь уже — по части реформ и выработки той или иной социальной политики, информационного обеспечения правительственных решений, консультирования. Основа профессиональной идентичности российских социологов, ее идеальные представления о собственном назначении заключаются в том, чтобы содействовать оптимизации государственного управления, иметь возможность обслуживать власть.¹ Пользоваться милостями и благоволением правительства, быть при нем единственным советником — это мечта любого руководителя государственного академического института в сфере социальных наук. Такой верноподанический пафос практически полностью парализует собственные познавательные интенции социологических дисциплин. Поэтому и результаты работы этих институтов трудно назвать каким-то иным словом, кроме «серые».

Однако поскольку власть была мало заинтересована в разработках и рекомендациях академических или университетских ученых, они были вынуждены искать дополнительную поддержку у западных фондов и заказчиков, предлагая им свои услуги для реализации зарубежных проектов. Поэтому возникла парадоксальная ситуация вынужденного сочетания интересов властей, государственной идеологии, и представлений и интересов западных гран-

¹ См., например, предлагаемую для российской академической социологии программу развития: «Для сплочения общества, возрождения России социологам предстоит всемерно содействовать выработке созидющей, динамичной и спасающей человека, российские народы, Отечество общенациональной цели» — Кузнецов В.Н. Общенациональная цель как фундаментальная проблема социологии // Социологические исследования, 2005, №4, с. 3. Понятно, что в рамках объявленной Путиным борьбы с международным терроризмом и укрепления для этого «вертикали власти» такой целью может быть только «национальная безопасность». (Там же). Если учесть, что предполагаемая реформа социологических институтов, относящихся к системе РАН, сводится к слиянию шести нынешних институтов в один или два — то есть к усилению государственного контроля над научной деятельностью, — освобождению от коммерциализации социологии, «необязательной или «непрофильной» тематики», а возглавить этот институт должен будет нынешний директор Института социально-политических исследований, член-корреспондент РАН В.Н. Кузнецов, в прошлом — генерал КГБ, то направление мысли наших командиров от социологии станет совершенно понятным.

тодавателей, стимулирующих исследования в таких областях, как развитие гражданского общества, изучение последствий реформ, вопросы бедности, социальной структуры (в особенности — поиски мифического среднего класса в России), реструктуризация государственной плановой экономики, этнические отношения, права человека, гендерные исследования, экология и т.д.

Результатом этого стала трудно воображаемая мешанина теоретических подходов, языков описания и объяснения, идеологических предрассудков и социальных иллюзий. В программе деятельности академических институтов центральное место заняли вопросы приватизации, реформирования социальной политики, формирования среднего класса как опоры нового режима, другие проблемы «транзитологии» — то есть поиск доказательств соответствия социальной реальности политике правительства. В целом это парализовало теоретико-методологическое развитие академической и университетской социологии, стерилизовало всякие потенции рационализации социологической работы, предметного изучения своеобразия российского общества и его прошлого. В лучшем случае, как правило, это были лишь попытки прикладного приложения, адаптации западных концепций, без всякой серьезной проверки их пригодности. Однако такие особенности работы академических институтов, как существенные разрывы или пробелы в освоении социологической теории, акцент на конъюнктурном знакомстве лишь с новейшими явлениями и работами только современных авторов, без обращения к предшествующим фазам развития дисциплины, без знания того, что делается в смежных областях науки, — лишают российскую социологию глубины и полноты, системности знания. Итогом этого становится изобретение многочисленных деревянных велосипедов или междисциплинарных монстров (вроде тех, что я находил в программах университетских курсов по социологии — «фамилиология», «синергетика коммуникаций» и т.п.), эклектичное смешение подходов разных наук и философских направлений в рамках одной системы интерпретации: например, русской философии космизма со структурным функционализмом и сетевым обществом в духе Кастелса.

Университетская или вузовская социология — в общем и целом самое слабое звено, как в теоретическом плане, так и в плане эмпирических исследований. Лучше обстоит дело в столицах, Москве и Санкт-Петербурге (и здесь — не в государственных университетах вроде МГУ¹, а в независимых или полунезависимых, вроде Европейского университета или Московской высшей школы социальных на-

¹ Консерватизм и инертность университетской социологии предопределены прежде всего педагогическими кадрами, состоящими из бывших преподавателей марксизма-ленинизма, крайней бедностью ресурсов, как финансовых, так и информационных, отсутствием необходимой литературы в библиотеках, языковым барьером и проч., а также — специфическим цинизмом людей, испытавших тяжелое поражение после краха коммунизма. Достаточно вспомнить присуждение звания доктора социологических наук шути и национальному провокатору, нацисту по своей политической программе В.Жириновскому. Геополитика, ностальгия по плановой экономике, антиреформистский тон распространены среди социологов или этнологов гораздо сильнее, нежели, скажем, среди экономистов и демографов.

ук, работающей как отделение Манчестерского университета). Ресурсы их ограничены, уровень преподавательского корпуса — очень невысок, а в провинции за редким исключением (вроде Томского или Новосибирского университетов) — ниже всякой критики.

Поэтому не будет ошибкой сказать, что представители социальных наук в России как правило гораздо более консервативны по своему духу, более государственно настроены, чем экономисты или гуманитарии.

Наиболее развитой в смысле эпистемологической или теоретической культуры областью академической социологии по-прежнему остается история социологии, где есть серьезный задел, который образован, как это ни покажется странным, еще в советское время — критикой буржуазной социологии. Тогда занятия историей и критикой социологии были единственной возможностью серьезного освоения западной мысли. Требовалось лишь каждый раз для маскировки указывать «ограниченность» классово-политической позиции буржуазных исследователей и ее социально-гносеологические корни, «идеализм». Это была форма усвоения, сочетавшая изрядный цинизм и халтуру с возможностью читать и думать над проблемами теории и логики развития современного социального знания. Ни в какой другой предметной области социологии не было столь основательного знания зарубежных работ и накопленных социологией на протяжении 20-го века концептуальных и теоретико-методологических ресурсов. Бесспорно, история социологии привлекала наиболее грамотных в профессиональном плане российских ученых. Однако здесь же таилась и серьезная опасность: это было знание чужого концептуального или предметного материала. Излагаемая история социологии (немецкой, французской, американской) никогда не рассматривалась как история прогрессирующего, противоречивого познания общества соответствующих стран. Чаще всего она подавалась как компендиум некоторых идей или доктрин, мало связанных друг с другом. Еще меньше, естественно, такое знание соотносилось с тем, что происходило в СССР или России, а также — с практикой эмпирических исследований, разворачивающихся в это время. Поэтому теоретическое знание было и остается абстрактным, отвлеченным и не используемым толком даже в преподавании.

В случае же, когда российские ученые начинают механически переносить западные теоретические конструкции или схемы на российский материал, практически ничего не меняя или не интерпретируя их в соответствии с российской спецификой, возникает эффект ложного опознания, всякого рода артефакты и диалектические мнимости.

В результате у университетских и у значительной части академических социологов сохраняется идущая еще с советских времен внутренняя консервативно-государственная по своему духу и характеру установка. По сути этот своего рода идеологический резидуум тоталитарной бюрократии содержит целый набор антизапад-

нических, антимодернизационных имперских или националистических убеждений, разделяемых большей частью российских социологов. Такая ситуация парализует не только возможности рецепции опыта западной социологии, но и потенциал собственно оригинальных разработок, ибо никакого другого языка «социологии», кроме уже существующего, в принципе не может быть предложено.

В целом российская социология ведет себя как в известной детской игре: «Да и нет не говорите, черное и белое не называйте». В данном случае «неназываемым», своего рода «слепым пятном» российской социологии является все, что относится к тоталитарному прошлому страны: природе ее институциональной организации, антропологии советского человека, имперским традициям, культуре патернализма, неупраздняемой системе государственного насилия, — то есть сам характер крайне репрессивного и внутренне агрессивного общества. Попытка уйти, не замечать это прошлое, акцентируя нынешнюю тематику «транзитологических подходов» или опасности глобализации для России, оборачивается возрождением геополитических идеологических представлений о месте и приоритетах России как великой державы. Социологические журналы и учебники полны разнообразных рассуждений об «особости российского пути», с одной стороны, и навязчивых попыток измерить, насколько мы соответствуем параметрам «нормальной цивилизованной страны», с другой.

Наиболее серьезные разработки можно найти там, где влияние академической социологии минимально, где социологии приходится выполнять вспомогательную роль. Консервативно-идеологические представления «государственно мыслящих социологов» воспроизводятся и сохраняются там в самой минимальной степени, так как роль социолога в междисциплинарных исследованиях подчиненная и направлена на совместное решение задач других, более развитых наук, в первую очередь — экономики (таковы различные виды мониторинговых и панельных исследований).

В результате вся тематика социальной стратификации, разложения советской институциональной системы, милитаризма, сопротивления реформам, типов пассивной адаптации к административному произволу, коллективного заложничества, аномического индивидуализма и т.д. остается вне сферы исследовательских интересов, незначимой и непонятой. Подражательность, механический перенос вырванным из контекста модным учениям или теориям П.Бурдьё, этнометодологов, антиглобалистов, постмодернистов или феминистов (прочитанных, как правило, с запаздыванием на целую историческую фазу их рецепции и критики) — оборачивается тем, что у эпигонов не возникает ни одной собственной идеи. Широкое распространение теоретического эклектизма или эпигонство — явление, легко объяснимое после стольких лет господства догматического марксизма и подкрепляемое стремлением подладиться под уровень интересов и кругозор тех, кто финансирует проведение социальных исследований.

По существу, российской социологией пропущены целые фазы или периоды развития западной социологии. Не известны не только проблематика общесоциологической теории, но и большая часть теорий среднего уровня, институционального анализа, теорий социальных процессов, разработок предметного характера — то есть все то, что составляет базовое профессиональное социологическое образование. Пропуск подобных пластов социологического развития заполняется информацией о том, что сегодня «носят» в Европе или в США. Это представление складывается из чтения текущей литературы в Интернете или из впечатлений, полученных во время выступлений в России *visiting professors*, а также из рассказов молодых преподавателей или аспирантов, имевших возможность побывать за рубежом в качестве стажеров. Об основной массе наших социологов можно сказать словами поэта Б.Слуцкого: «это люди с дипломом о высшем образовании, но без среднего образования».

Поэтому единственная позитивная деятельность сегодняшней социологии — это создание медленно расширяющегося на протяжении последних 15 лет поля аналитического социологического описания действительности российского общества (что-то вроде той работы, которую в свое время — в середине 19 века — проделала география или биология). Конечно, эти описание очень неровное по своему качеству, отрывочное, эклектичное, не всегда адекватное или надежное, перегруженное мифами и идеологемами — но тем не менее процесс описания идет, и зоны дескриптивной обработки социального пространства все время увеличиваются. Таковы, например, предметные разработки по социологии образования, изучению ксенофобии и межэтнических отношений, политической элиты¹, структуры потребления, анализу социальных сетей, ценностным ориентациям молодежи и т.д. Среди них довольно много уже вполне серьезных и качественных в профессиональном отношении исследований.

Преподавание.

С 1989 года, после легализации социологии, число студентов, изучающих эту дисциплину в вузах различного типа, увеличилось со 150 до 12 тыс. (причем основной рост учащихся пришелся на последние 5-7 лет). Число социологических кафедр и отделений за это же время выросло с 6 до 105 (2003 год).²

С одной стороны, кажется, что это очень много. С другой, как мне представляется, это означает чистую профанацию самой идеи

¹ Отличным, хотя, к сожалению, почти единственным в своем роде, примером работы высокого класса может служить вышедшая недавно монография руководителя сектора элит ИС РАН О.Крыштановской, в которой она подводит итоги своей 15-летней работы над темой «Анатомия российской элиты» (М., 2005).

² Сегодня в правительстве обсуждаются перспективы введения социологии как обязательной учебной дисциплины во всех вузах и университетах (такое положение существовало какое-то время после реформ, но было затем отменено) и даже в качестве одной из версий обществоведения в средней школе. Учитывая, что речь идет о нашей, специфически российской версии социологии, можно не сомневаться в том, что под видом преподавания позитивной, строго объективной науки будет осуществляться (в скрытой форме) контрабанда государственной идеологии, будет преподноситься модель органического национального общества — государства, сочетающего идеи авторитарной модернизации с патриотизмом и с православием.

социологии, ибо то, что преподносится под видом «социологии» в большинстве вузов и провинциальных университетов, а именно за их счет происходит расширение ее преподавания, в массе своей не имеет отношения не только к ней, но и вообще к социальным наукам, или даже к науке как таковой. Чаще всего такие курсы представляют собой смесь элементарных сведений по организации и методике проведения социологического опроса, что-то вроде очень приблизительного пересказа двух-трех тезисов из М. Вебера или Э. Дюркгейма, З. Баумана или М. Кастелса в сочетании с различного рода остатками исторического материализма, социальной и постмодернистской философии, культурологии, государственной или националистической идеологии, элементами социальной работы, психоанализа или натурфилософии и т.п. Круг сведений о концептуальном содержании социологии ограничен главным образом тем, что переведено в последнее время (о низком качестве переводов надо бы говорить отдельно) или пересказано в единственном общем курсе по истории социологии, подготовленном в ИС РАН под руководством Ю.Н. Давыдова.¹

Власть над процессом и содержанием преподавания социологии (отчасти и других социальных наук, но социологии — в первую очередь) по-прежнему находится в руках тех, кто входил ранее в состав низовой советской номенклатуры. Соответственно, эти люди задают свое понимание социальных наук, их целей и структуры знания. Возглавляя руководство академических институтов или факультетов, они определяют сам характер профессионального воспроизводства, подбор аспирантов и молодых преподавателей, направленность, тематику и цели обучения. Отсюда такой замедленный процесс обновления персонального состава, приобретающий болезненный характер в провинции, где и уровень подготовки ниже, и зависимость от властей выше. Среди не выбираемой, а назначаемой сверху верхушки академической или университетской бюрократии идет острейшая подковерная борьба за право контроля над дисциплиной (за право сертификации преподавания, а в перспективе — и лицензирования деятельности исследовательских центров), за введение жесткого государственного стандарта обучения, а значит — и за установление диктата над его содержа-

¹ Надо признаться, что освоение материалов западных социальных наук очень похоже на работу золотоискателей: современная социология для молодых российских университетских преподавателей (а именно они, главным образом, и занимаются переработкой западного опыта) представляет собой лишь множество разрозненных источников — тем для диссертационных работ, позволяющих каждому утвердиться на своей делянке. Так как отсутствует общее проблемное поле работы, конституированное теоретическими и предметными задачами исследования российского общества, и, соответственно, нет общей логики и направленного познавательного интереса к западной литературе и идущим за рубежом дискуссиям, то нынешние авторитеты во Франции, США, реже — Германии, превращаются в золотые жилы индивидуальной работы. Поэтому могут существовать совершенно отдельно, не вступая между собой ни в сотрудничество, ни в конкуренцию те, кто сделал для себя средством профессионального существования, скажем, пересказ П.Бурдьё, или Э.Валлерстайна, или М.Шелера, или С.Хантингтона. Знание современной специальной литературы работает исключительно в качестве флажков профессиональной эрудиции, без которой трудно добиться признания в преподавательской среде. Но это знание никоим образом не работает на общие задачи социологии.

нием. Никогда не исчезающая в СССР и постсоветской России опасность — тенденция к стандартизации процесса обучения — во всех случаях означает повышение уровня бюрократического контроля над содержанием преподавания (предпринимаемого, естественно, только для того, чтобы использовать проверенные, отобранные в качестве «лучших» методики и рекомендовать их в качестве обязательных для всех «образцов»).

Сегодня, как и в прошлом, студент практически лишен самостоятельности в выборе преподавателей и содержания предмета обучения, он не может следовать собственному интересу, поскольку оставшаяся после советского времени бюрократическая система обучения не допускает в этом отношении какой бы то ни было свободы. Поэтому в целом социологическое образование оказывается крайне неэффективным. Имеет место большой отсев студентов во время обучения, вызванный разочарованием в предмете и характере преподавания, трудностями в устройстве на работу по полученной специальности (поскольку этот диплом не слишком высоко котируется на рынке труда). В результате, по некоторым данным, от двух третей до трех четвертей всех выпускников социологических факультетов меняют сферу занятости. Примерно та же картина и на факультетах политических наук.

В самом преподавании социальных наук сохраняются два порока, оставшихся от советской модели высшего образования: крайне жесткие ведомственные перегородки между разными факультетами и отделениями, слабость междисциплинарных связей и форм обучения — и резкий разрыв между исследованиями и обучением. Последнее заложено уже в самом институциональном разделении исследовательских институтов и образовательных учреждений. Научные исследования в университетах и вузах традиционно занимают незначительное место.